

«I am a camera with its shutter open,
quite passive, recording, not thinking».

— Christopher Isherwood,
Goodbye to Berlin, 1939¹

Все события, диалоги и персонажи, представленные в данном романе, являются плодом авторской фантазии. Любые совпадения с реально живущими или жившими людьми, фактами их жизни или местами проживания являются случайными. Упоминание культурно-исторических реалий служит лишь для создания необходимой атмосферы.

В произведении упоминаются социальные сети Instagram, WhatsApp и Facebook, принадлежащие компании Meta — запрещенной в России экстремистской организации.

¹ «Я камера с открытым объективом: весьма пассивная, всё записываю, ни о чем не думаю». Кристофер Ишервуд, «Прощай, Берлин», 1939 (англ.).

Глава 1

I

Они пинали его по очереди. Я сидел на низкой скамейке, скрестив руки и вытянув ноги, и наблюдал за тем, как по полю, едва касаясь газона, летает футбольный мяч. Денис бегал на острие атаки: он был капитаном FC White Horse. Счет на табло — 1:1. Играть осталось три минуты. Если никто не забудет, начнется серия пенальти. Как назло, наш основной вратарь на прошлой игре вывихнул плечо, на воротах стоял Колин Барнз, который, едва завидев мяч, отпрыгивал в сторону.

Над стадионом сгустились тучи — синоптики обещали солнце и, как всегда, обманули. Год назад никто и представить не мог, что наша команда окажется в финале первенства школ Западной Англии. И меня даже не расстраивал тот факт, что я стану чемпионом, так ни разу и не выйдя на поле.

— Marat! — тренер выкрикнул мое имя.

Я подбежал к бровке и сбросил ядовито-зеленый жилет, надетый поверх фут-

больной формы. Я заменил правого полузащитника, который всю игру носился по флангу и только дважды коснулся мяча. Пока я плелся до позиции, Денис объяснял тактику:

— Старайся навешивать в штрафную, я попытаюсь головой пробить.

Мы были единственными русскими на поле, никто нас не понимал. Мимо прошел игрок другой команды, недоверчиво оглядел нас, а после плюнул куда-то в сторону. Ему было поручено прикрывать Дениса, поэтому он не отходил от него ни на шаг. Игра возобновилась.

Денис носился возле штрафной соперника. Болельщики на трибунах выкрикивали названия школ, чирлидерши трясли помпонами, а наш талисман — белый конь — мотал хвостом и гривой под музыку, которую, как потом оказалось, он слушал в наушниках на протяжении всего матча. Играть осталось одну минуту.

Мяч оказался у меня. Я стоял совсем один недалеко от штрафной, но ко мне уже мчались разъяренные соперники. На противоположном фланге я заметил высокую фигуру Дениса, его длинные светлые волосы виднелись из-за спин защитников. Я замахнулся, чтобы навесить в штрафную, как мы договаривались, и у меня даже получилось что-то вроде пинка. Мяч взлетел в воздух и какое-то время кружил вокруг

своей оси, словно танцовщица в кабаре. Я засмотрелся на него и не заметил, как в голень врезались шипы полузащитника команды противника. Я упал на газон, судья тут же засвистел что есть мочи, и на поле выскочили дежурные медики. Мое участие в первенстве не продлилось и двух минут.

Судья назначил штрафной, Денис вызвался его пробить. Я приподнял голову, чтобы посмотреть, как он разбегается, подражая Роналду. Заметив мой взгляд, он подмигнул в ответ и приподнял большой палец.

Игроки слушались Дениса беспрекословно, капитанская повязка ему очень шла. Он поразил тренера выносливостью, знанием многочисленных финтов и «феноменальным» видением поля. В первой игре он забил и отдал голевую, на третью вышел с капитанской повязкой.

В отличие от Дениса, который уже стал лучшим бомбардиром турнира за десять лет его существования, я был в футболе случайным персонажем, придуманным только для того, чтобы заполнить брешь на скамейке запасных. Я записался в команду, поскольку спортивная секция необходима для получения аттестата. Выбирать пришлось между футболом, крикетом и сквошем. О последних двух и говорить нечего.

— Ты тот парень с класса истории? — спросил Денис на первой тренировке. — Я тебя знаю, за мной сидел.

Помню тот урок. Профессор Вудли, не обратив поначалу никакого внимания на Дениса, который пять минут топтался на пороге с рюкзаком на правом плече, посадил его за первую парту, отметив, что у него, вероятно, слабое зрение.

— В противном случае вы бы смогли разглядеть время на часах.

Затем он подошел к электронной доске и написал: «Что такое история?»

— Прошное, — ответил кто-то с задней парты. Наверняка с хорошим зрением.

— Не совсем, — ответил профессор Вудли. — История — это оправдание настоящего. На уроках мы попытаемся найти причины событий, которые происходят с нами сегодня. Для меня, как для историка, важно не столько знание фактов, сколько умение их правильно интерпретировать.

— Хренов зануда, — сказал Денис по-русски.

Мне почему-то захотелось показать, что я его понял. До сих пор не могу объяснить, чем это было вызвано. Но я фыркнул достаточно громко, чтобы Денис обернулся и ухмыльнулся в ответ.

Стадион заорал во всю глотку, заиграла музыка — гимн школы. Тренер и запасные выбежали на поле, тряся кулаками.

Директор школы профессор Тоунер аплодировала и улыбалась, всем своим видом демонстрируя благопристойную радость. Получалось так себе, выглядела она скорее сконфуженной. Денис пробил в девятку. Команда White Horse, представляющая Wellington School, победила в финальном матче турнира школ Западной Англии по футболу. Церемонию награждения я простоял на одной ноге, за что получил прозвище Steadfast – стойкий.

11

II

Существует два наисладчайших вкуса – вкус победы и вкус холодного эля, когда тебе нет восемнадцати. Мы отмечали триумф в местном пабе, который носил название нашей команды – White Horse. Для паба это было такое же знаменательное событие, как и для нас. Бармен сказал, что теперь мы просто обязаны наклеить на футболки эмблему бара – белая лошадь тащит повозку с бочкой пива. «We are now officially sponsoring you»¹, – говорил он. Кстати говоря, форма у нас и правда красивая: футболка в красно-золотистую полоску и шеврон с гербом школы на левой груди. На спинке были вышиты наши имена и номер: я носил 19-й, а Денис был

ГЛАВА 1

¹ Мы теперь ваши официальные спонсоры (англ.).

7-м, как Роналду. И только Колину Барнзу разрешили носить форму вратаря «Манчестер Юнайтед».

— Прекрасный день. Держи, твоя пинта, Steadfast. Заслужил! — сказал Денис.

— Теперь всегда будете меня так называть?

— А ты как хотел? — ухмыльнулся Денис. — Привыкай. Твоя игра принесла нам победу. Можешь собой гордиться.

— Да пошел ты. Я с самого начала говорил, что футбол не мое.

— Да. Ты всегда был больше про кино.

12

При этих словах он чокнул свою кружку о мою и сделал глоток. Затем выдохнул в точности как в знаменитой рекламе пепси.

— Кстати, о кино. Я решил, куда хочу поступать, — отпив немного, я вернул стакан на стол.

— Слава яйцам!

— Помнишь, как я ставил Уайльда в школьном театре? Профессор МакКарти говорит, у меня неплохо получается. И еще она сказала, что, видимо, это мое и... короче, я хочу писать.

— Типа писать фильмы? Ну круто...

— Да, и не только. Снимать, если повезет... Думаю поступать на Film Studies. Только фиг его знает... тут и талант, и везение, и...

— Слушай, хорош ныть! Талант у тебя есть. Вон, даже МакКарти сказала. Уж кто-

кто, а она точно шарит. Она тебе за литру ни разу ниже 90 не поставила.

— Ну, однажды она влепила 70 за «Джейн Эйр». И то я не читал...

— Чувак, я даже понятия не имею, кто это, — сказал Денис. — Короче, я чё хочу сказать: не оставляй мечту, едва шагнув к ней. Успех — это мечта, прошедшая испытания.

— Сильно сказано.

— Ага. Это из фильма...

— Неу, captain, — к нам, приветливо растопырив руки, подошел тренер. Он был все в той же спортивной форме, в которой стоял на бровке во время матча. Я уверен, он и спал в этих трениках. Лишь однажды он появился в рубашке. В первый день учебы на праздничном ужине, когда профессор Тоунер представляла преподавательский состав.

— Come here, son, I want to introduce you to someone¹.

Тренер увел Дениса в сторону. Я вернулся к игрокам. Увидев меня, они тут же заорали: «Steadfast!» — и я понял, что с новым прозвищем придется жить вечно... Команда уже прилично напилась и теперь распевала школьный гимн. Колин Барнз рассказал, что на матче присутствовал скаут из манчестерской футбольной ака-

¹ Подойди сюда, я хочу тебя кое-кому представить (англ.).

демии, который ищет игроков для предсезонки.

— Dan might serve them well¹, — подмигнул он.

Колин принялся разглядывать чирлидерш, сидевших за столом на другом конце бара. К одной из них, Эмме Старк, он неровно дышал и совсем не скрывал этого. По вторникам футболисты и девчонки тренировались вместе, и Колин приходил с букетом ромашек, сорванных на заднем дворе кампуса. На пробежке от него за сто метров разило одеколоном. Все находили это весьма трогательным, и за то время, что Колин ухаживал за Эммой, мы не придумали ни одной уничижительной шутки. И я до сих пор уверен, что, когда я или кто-то другой из команды окажется на Страшном суде, нам это зачтется.

Сама Эмма, как и прочие чирлидерши, вздыхала по Денису. Когда он проходил мимо, натянув на нос капюшон своего худи, они старались привлечь его внимание, выкрикивая: «Hello, Daniel!» Что касается меня, то я органично смотрелся в роли друга крутого парня. Еще в школе я мечтал снять роуд-муви со мной и Денисом в главных ролях.

Тогда я только посмотрел «Беспечного ездока» и представлял, как мы, словно Пи-

¹ Дэн мог бы им пригодиться (англ.).

тер Фонда и Деннис Хоппер, колесим по Америке, населенной байкерами и хиппи, и попадаем в передряги. Быть может, «Беспечный ездук» — самый стильный фильм Нового Голливуда. Каждый кадр передает, какое удовольствие Джек Николсон, Питер Фонда и Деннис Хоппер получают от съемок. Фонда на байке, разукрашенном в цвета американского флага, — олицетворение шестидесятых. И эта музыка... Не фильм, а настоящий рок-н-ролл!

— Офигеть чё щас было! — Денис хлопнул меня по плечу и сел между мной и Колином. — Мне только что предложили место в футбольной академии!

Едва я успел его поздравить, как Денис перевел новость Колину.

— Congrats, mate! I knew it!¹ — сказал Колин.

Остальные сидевшие за столом, услышав, что Денису предложили место в академии, встали со своих мест, подняли кружки и трижды хором прокричали:

— Dan! Dan! Dan!

Прошло столько лет, а я все никак не вспомню, видел ли хоть раз Дениса таким счастливым. Он сидел, гордо выпятив грудь и положив руку на спинку стула Колина. Время от времени подмигивал чир-

¹ Поздравляю, старина! Я так и знал! (англ.)

лидершам, а те в ответ краснели и звонко хихикали.

— Смотри, чё щас будет, — шепнул он мне и направился к их столу.

Он подошел к Эмме и пригласил ее танцевать. Музыкальный аппарат играл плейлист, составленный Квентином Тарантино. Сначала Денис схватил Эмму за талию, но с каждым па его руки опускались всё ниже и ниже, и Колин Барнз, который минуту назад восхищенно смотрел на своего товарища по команде, спрятал покрасневшее лицо в ладонях. Потом он встал, бросил на стол десять фунтов и был таков. Я представил, как он идет по набережной, поднимается на мост, разглядывает свой силуэт в воде, дробящейся лунным светом, а затем ныряет — в последний раз в жизни. Но нет, в понедельник Колин вновь пришел на урок английского, который, как обычно, начался с вопроса о том, когда мы наконец пройдем его любимого Оруэлла.

С Дэном мы встретились после занятий и вместе отправились на обед. В столовой давали какую-то примитивную дрянь — остывшую рыбу во фритюре и жареную картошку.

— Ты кетчунеза побольше клади: так вкуснее, — говорил Денис каждый раз, когда я ворчал на еду.

— Ну что, ты отцу звонил? — спросил я.

— Нет, сегодня позвоню, — ответил Денис. — Ссыкотно как-то, если честно.

— А что так?

— Да блин... я же в детстве на секцию ходил... ну помнишь, я говорил. Так вот, папа тогда сказал: «Молодец, но ставку делай на учебу». Я спрашиваю: «А вдруг футболистом стать захочу?»

— Погоди, ты же говорил, что он сам тоже на футболе повернут.

— Да в том-то и дело... Ему когда лет семнадцать было, он решил выебнуться и в воздухе ножницами пробить. Ну и приземлился на копчик. Операцию сделали, тьфу-тьфу-тьфу, все хорошо. — Денис трижды постучал по столу. — Но играть запретили.

— И что? С тех пор он ни разу мяч не пинал?

— Не, почему? Пробовал как-то, знаешь, на любительском уровне. Но ничего серьезного. А потом уже девяностые. Братки там, все дела. Я вылупился, уже не до футбола было.

— Странно. Если ему когда-то не повезло, почему он считает, что с тобой будет то же самое?

— И я о том же. Но он такой человек. — Денис тяжело вздохнул. — Сам меня на матчи таскал. У него еще привычка была — да она и сейчас есть: он, когда видит, что наши за мяч ухватиться не могут, начинает ногой трясти. Я потом узнал, почему он

так нервничал всегда. Ставки делал. Не, мужик он классный. Просто параноик, и ничего с этим не поделаешь.

Я вспомнил своих предков и их причуды: отца, который каждый год устраивал ремонт, из-за чего половину детства я провел у бабушки с дедушкой, и маму, которая до моего тринадцатилетия боялась отпустить одного даже за хлебом. Мое детство прошло перед теликом. Я сидел на полу на расстоянии одного метра от экрана и познавал мир. До четвертого класса я думал, что почти все взрослые русские работают ментами, а американцы в большинстве своем извращенцы или агенты ФБР. В прайм-тайм бабушка с дедушкой вели ожесточенную борьбу за пульт, из-за чего я пришел к выводу, что вечерние новости — это многосерийная мыльная опера с бесменным главным героем.

— В позапрошлом году мы ездили на финал Лиги чемпионов, — продолжал Денис. — До матча зашли в музей «Реала», и там был такой типа стенд со списком прославленных игроков. Так он вкратце пересказал биографии почти всех легенд клуба! Я посмотрел на стенд: нигде не ошибся. Сам понимаешь, ни английского, ни испанского он не знает. Вот такой фанат. Прикинь.

— Прикинул, — ответил я. — Слушай, все равно поговори с ним. Раз он так любит

футбол, чем бог не шутит. Вдруг оплатит академию. В конце концов, ты сам сказал: «Успех — это мечта, прошедшая испытания».

— Да, ты прав. Вечером наберу его.

Через два стола сидела Эмма, на лице ее было написано такое негодование, что казалось, будто поедание рыбы причиняет ей жутчайшую боль.

— Как с Эммой вчера?

— Ой, лучше не спрашивай. — Денис засмеялся. — Такая жесть! Проводил до общаги. Она говорит, что охрана меня не пропустит. А я такой типа: «Ну ок» — и пролез через окно. Она запаниковала, но я успокоил. Короче, лежим, сосемся, и я давай уже там мацать... Ну ты понял, в общем. А она ломаться начинает. «Give me some time, I need to think»¹. А чё тут думать? Говорю: «Давай, чё ты!»

— Фига ты Данила Багров!

— Ага, хер там плавал, — вновь засмеялся Денис. — Слушай, чё дальше было. Вдруг слышу: кто-то в дверь ломится. Думаю: ну ежкин крот, кого угораздило. Оказывается — хаус пэрэнт². В общем, выписали Эмме ворнинг³, а меня за «спортивные заслуги» простили. Вот и вся история.

¹ Дай мне время, мне нужно подумать (англ.).

² Комендант в общежитии. (Прим. авт.)

³ Предупреждение. (Прим. авт.)

— Ну и хорошо, на самом деле. А то Колин вчера приуныл, когда ты Эмму танцевал. Ты бы его видел. Мне даже показалось, что он руки на себя наложит.

— Пусть не расстраивается. В конце концов, нельзя исключать, что это он нас сглазил. Колин — парень хороший, но любовь всех превращает в подонков... Ладно, давай доедай. Домахи на завтра дохерища! Неу, Emma!

— Fuck you, Daniel!

III

Крис Дженкис дежурил у моей комнаты и разминал кулаки. На нем были светлые джинсы, белая футболка, красная ветровка — типичный хулиган из комедий Джона Хьюза. Увидев меня, он крикнул: «Неу, rrick!»¹ — и ринулся ко мне. Я хотел было сбежать, но говнюк запрыгнул на меня и повалил на пол.

— Where is my damn money, twat? You owe me 30 quids!²

В Англии дорогие сигареты. Поэтому мы с Денисом привозили их из России и продавали одноклассникам. В магазине пачка Marlboro стоила девять фунтов, мы отдавали за шесть. На рождественских

¹ Слышь, придурок! (англ.)

² Где мои чертовы бабки, ублюдок? Ты торчишь мне тридцатку! (англ.)

каникулах Крис попросил купить целый блок, я уговорил заплатить вперед. На таможенне потребовали показать содержимое чемодана. Увидев там четыре блока, таможенники тотчас конфисковали товар, и я прибыл в школу ни с чем.

— It was a force majeure, I don't owe you nothing¹, — кричал я, пока меня мутузили по голове.

Вокруг столпились однокашники. Никому из них и в голову не пришло за меня заступиться. Кто-то снимал происходящее на телефон. Только очкастый индус с гигантским рюкзаком, проходя мимо, спросил, что тут происходит, и, получив ответ, пошел дальше.

— Какого хера?! — слышался голос Дениса.

Денис оттолкнул зевак и врезал Крису с ноги. Тот повалился на спину и охнул. Денис набросился на него с кулаками и принялся мутузить Крису так, как секунды назад тот бил меня.

Я встал. В глазах потемнело, закружилась голова, но мне удалось удержаться на ногах. Я схватил Дениса за локоть и оттащил в сторону:

— Не надо, хаус пэрэнт...

— Ублюдок сраный, — сказал Денис и плюнул на лежащего Крису.

¹ Это форс-мажор, я тебе ничего не должен! (англ.)

Мы направились в медпункт. К кабинету дежурного врача выстроилась очередь — в основном из покашливающих парней. Две девчонки-китайки сидели в углу, спрятав лицо за телефонами, которые противно кликали каждый раз, когда они что-то строчили в мессенджер. Каждый клик отдавался в голове приступом неистовой боли, как будто кто-то забивал гвозди прямо в виски.

— Can you mute it, for fuck's sake!¹ — закричала появившаяся на пороге медсестра. Затем она со всей силы захлопнула дверь. Я почувствовал, как по башке врезали бейсбольной битой.

— Все бабки хочет? — спросил Денис.

— Ага... — ответил я.

— Ты можешь сходить пожаловаться. Скажи, мол, у тебя силой деньгу клячат. Тогда пидараса точно отчислят. Хотя... он же англичашка. Расисты сраные...

— Шовинисты. Расист — это когда дискриминируешь другую расу.

— Не будь занудой, у тебя глаз подбит.

— Ты о себе лучше подумай.

— А чё я? — спросил Денис.

— За то, что ты Криса отмудохал, тебе грозит отчисление. Это не в комнату Эммы пробраться, так просто с рук не сойдет. В тот раз забили, в этот могут за яйца схватить.

¹ Выключите звук, чтоб вас! (англ.)

— Да не! — Денис демонстративно махнул рукой. — Ничего они мне не сделают. Во-первых, куча свидетелей, которые докажут, что я повел себя как «настоящий джентльмен». Во-вторых, есть ты и твой подбитый глаз!

И вдруг Денис засмеялся. Так громко, что даже китаянки отвлеклись от телефонов.

— Что такое? — спросил я.

— Уже второй раз за два дня злоупотребляю твоими травмами. То ты ногу подвернул, то глаз подбили. Реально Steadfast.

И правда, это было забавно; я попытался засмеяться, но к голове поднялась жуткая пульсирующая боль. Я схватился за скамью, подташнивало.

Врач выкрикнул мое имя. Я оказался в комнате, пропахшей антисептиками. На фоне голубых обоев и белого кафеля я не сразу заметил врача, который сидел на металлическом стуле и выстукивал что-то на клавиатуре.

— How can I help you? — начал он, обращившись ко мне. — Oh, gosh! You look beastly!¹

Осмотрев меня, он наложил пару швов на виски и выписал парацетамол. Я был освобожден от занятий на пять дней. Неделю я провел за просмотром «Коня Бо-

¹ Как я могу вам помочь? О боже, вы выглядите чудовищно! (англ.)

Джека», прерываясь только на созвон с родителями: мама распереживалась, отец поздравил с посвящением в мужчины.

Время от времени заходил Денис. Он рассказал, что профессор Тоунер ждет моего выздоровления, чтобы «прояснить обстоятельства произошедшего».

— Ты, главное, не забудь сказать, что я за тебя заступился! — говорил он.

— Ну ясен пень. О чем ты вообще?

Спустя неделю я отправился к профессору Тоунер. Ее кабинет находился в самой отдаленной части кампуса за толстой дубовой дверью. Возле кабинета всегда царила гробовая тишина. Стульев в коридоре не было: директор не радовалась гостям. Я постучался.

— Come in¹.

Профессор Тоунер сидела за огромным столом, на котором располагались широкий монитор и стопка разноцветных папок. Директор смотрела на меня выжидающе — так, словно это не она меня вызвала, а я к ней напросился.

— Please, sit down², — сказала она наконец.

Я сел на чертовски неудобное скрипучее кресло. По привычке хотел закинуть ногу на ногу, но сдержался. Директор спросила о моем самочувствии.

¹ Войдите (*англ.*).

² Присядьте, пожалуйста (*англ.*).

— Better¹, — ответил я.

Профессор Тоунер стала расспрашивать о «чудовищном инциденте, который произошел в кампусе на прошлой неделе». Я сказал, что Крис Дженкис силой вымогал у меня деньги и что я отказался их ему давать, из-за чего он меня избил.

— Why would he want your money? — спросила она.

— I don't know... you know, there is a stereotype about rich Russians, — ответил я. — All these BBC shows and Chelsea and oligarchs... stuff like that...

— Yes, I know. But it's not for nothing, is it?

— The oligarchs?

— No, you and Chris².

И тут я понял, что забыл придумать, зачем Крису понадобились мои деньги. Сказать профессору Тоунер, что я продаю сигареты, значило бы вырыть себе еще более глубокую яму. Нет, не только себе, но и всей школе. Наверняка профессор Тоунер задала похожий вопрос Денису, но тот забыл меня предупредить.

¹ Лучше (англ.).

² — Зачем ему понадобились ваши деньги?

— Не знаю... знаете, есть стереотип о богатых русских. Из-за всех этих шоу на ВВС, «Челси» и олигархов.

— Знаю. Но это же все не просто так?

— Что не просто так? Олигархи?

— Нет. Я про вас с Крисом (англ.).

— What did Chris say?¹ — спросил я.

Крис, по словам профессора Тоунер, вообще отказался называть причину драки. Она сказала, что у нее возникли подозрения о каких-то «темных делишках» и что она обязательно докопается до правды. Я спросил, как накажут Криса.

— The same way we'll punish Daniel, — ответила она. — They will have to write a 2000-word essay on fighting dangers.

— But he stood up for me!² — запротестовал я.

Профессор Тоунер сказала, что перед школьными правилами все равны, а о запрете драк говорится на первой странице инструкции по безопасности.

— You've read it, haven't you?³

Я ответил, что мог прочесть невнимательно или вовсе подписать, едва бросив взгляд на текст.

— Ignorance of the law is not an excuse⁴, — сказала она и добавила, что я могу быть свободен.

¹ А что сказал Крис? (англ.)

² — Так же, как я накажу Дэниэля. Они должны написать эссе на 2000 слов о вреде драк.

— Но ведь он за меня заступился! (англ.)

³ Вы же прочитали, верно? (англ.)

⁴ Незнание закона не освобождает от ответственности (англ.).

IV

Настроение испортилось. Впрочем, оно и так было ни к черту. Я выбрался из кампуса и отправился в школьный парк. Деревья покрылись первой зеленью, и в парке было приятно спрятаться от весенней духоты. Где-то высоко на ветках носились беспечные белки. Я порылся в сумке и нашел пачку недоеденных сухариков. Раскидав их вокруг, я сел на пенек в ожидании, что белки оценят мою доброту. Одна из них прискакала к кучке, взяла один сухарь, понюхала его и брезгливо отбросила в сторону, после чего забралась на высокую сосну.

Прилетели вороны. Они жадно набросились на сухари, а когда остались только крохи, принялись отбирать их друг у друга, противно гаркая и махая крыльями. «Ну хоть кому-то моя благотворительность понадобилась», — подумал я и поплелся назад в школу.

На обратном пути встретились Эмма с Колином. Они шли, держась за руки. Движения Колина, и без того всегда красноречивые, казались со стороны самоуверенными и развязными. Эмма смотрела под ноги, время от времени поворачивалась к нему спиной и говорила что-то в духе: «чудесный день» или «как же здесь хорошо». Я наступил на ветку — она хрустнула, и

голубки обернулись. Я попытался изобразить безразличие. Они, в свою очередь, изобразили невинность. Мы поравнялись и вместе добрались до кампуса.

По пути Колин расспрашивал о драке. Он называл Криса тупорылым ослом.

— But Dan is no better¹, — добавил он. Эмма закашлялась.

Я сказал, что Денис поступил как настоящий друг и что любой нормальный человек на его месте сделал бы то же самое. Сказал, что это всяко лучше, чем стоять и смотреть, как кого-то бьют по башке, и снимать драку в Снэпчат. Эмма согласилась. Колин замолчал.

Я опоздал на историю. Профессор Вудли приветливо улыбнулся и пригласил сесть. Он стал прилюдно расспрашивать о моем самочувствии и сказал, что может замолвить за меня словечко, если потребуется. Затем он вручил мне эссе, которое я ему отправил, пока лежал с подбитым глазом.

Денис на урок не пришел. Я застал его в столовой. Он сидел в наушниках, смотрел в телефон и пил кофе.

— Что смотришь? — спросил я.

— Рэп-батл.

— И как?

— Слушай, прикольно. Мне Оксимирон нравится. Он, кстати, тоже в Англии учился. В Оксфорде.

¹ Но Дэн ничем не лучше (англ.).

— Ого, круто.

— Не пойду я в футбольную академию, — Денис снял наушники и отложил телефон. — Не быть мне новым Роналду. Отец против. Я знал, что так будет. Говорил же: параноик.

— Да ладно? Ты серьезно?

— Да. Сказал, что не отправлял меня в Англию дурака валять. Говорит: «Ты должен учить экономику». А меня уже тошнит от этой экономики! Я показал ему результаты за прошлый год. Говорю: «Не получается у меня. Какой смысл?» Он ответил: «Нет, надо стараться, поставь перед собой цель». Я говорю: «Вот цель, я поставил». Дальше он стал заливать, что я еще пиздюк, что буду жалеть, бла-бла-бла. В общем, денег не даст.

— А ты попробовал с академией обговорить? Вдруг они какой-нибудь сколаршип¹ дадут на первое время?

— Да какой сколаршип? Больно я им нужен! У них этих «молодых талантов» жопой жуй! Еще заливает, что без него я был бы никем. Так он сам не дает мне возможность кем-то стать. Я-то не против... Сука, блин... Слушай, есть покурить?

— Так тренер запрещает...

— Какой на фиг тренер? Нет больше тренера! В жопу этот футбол! Мне эконо-

¹ Стипендия. (Прим. авт.)

мику учить надо! — На слове «надо» его голос сорвался.

И вдруг он заплакал. Плакал он как-то неукложе, словно разучился. Вытирал слезы рукавом, хотя на столе была салфетница.

В столовую вошел Крис в окружении малознакомых ребят. Денис мгновенно успокоился и за долю секунды принял обычный беззаботный вид.

— What's up, Chris? Came to get fucked one more time?¹ — спросил он с издевкой.

Крис рассказал, что был у профессора Тоунер, сказал ей, что «просил» у меня деньги, потому что решил, будто я их украл. Якобы я последний человек, который был в его комнате до пропажи. И что потом он нашел деньги в другом месте и извинился предо мной.

— You tell her same shit², — сказал он и вместе со своей компашкой пошел дальше.

— А знаешь, он не такой остолоп, каким кажется на первый взгляд, — заметил Денис.

— Возможно, его кто-то надоумил. Хотя бы перестал клянчить бабки. И на том спасибо!

Мы отправились в курилку. Денис продолжал ругать отца. После долгих угово-

¹ Что такое, Крис? Хочешь еще получить? (англ.)

² Ты скажи ей то же самое (англ.).

ров ему удалось стрелкнуть у меня сигарету. Я дал при условии, что это будет первая и последняя сигарета, которую он у меня взял. Так и случилось, далее он покупал сигареты самостоятельно.

Денис курил неумело, почти не затягиваясь. А если и вдыхал дым, то начинался приступ дикого кашля, остановить который могли только глоток воды и плевок на пол.

— Ну и дрянь. Как вы можете этим дышать?

— Привычка, — ответил я.

— А давай гульнем! — вдруг сказал он. — Пойдем в паб, возьмем пивка или чего покрепче. Отметим мой фэйл.

— Слушай, какой фэйл? Все еще впереди...

— Давай, пошли. — Денис дернул меня за рукав.

Мы отправились в White Horse. Воняло мочой и пивом. В тот вечер в пабе проходил паб-квиз, собрались местные. Детишки бегали по бару со стаканами апельсинового сока и проливали содержимое на пол. Папы пили запотевшие пинты и выкрикивали неправильные ответы, их жены орали на детей и двулично улыбались соседним столикам. Денис взял пиво, и мы сели у окна, за которым наступал вечер.

— Завтра к первому... — начал я.

— Насрать, — прервал Денис. — Не можешь с другом побыть в трудную минуту?

— Не, почему? Могу...

— Вот и славно.

Денис сильно напился. До общежития всего двадцать минут пешком, но чтобы туда добраться, пришлось вызвать кеб. В такси Дениса вырвало. Разъяренный водитель высадил нас в начале улицы, вдоль которой росли аккуратно подстриженные кустарники. Денис пошатнулся, упал на один из них и попросил оставить его там.

— Как хорошо, господи...

32

От его кофты, мокрой от блевотины и разлитого пива, смердело так, что я невольно заткнул нос. Мимо проходили «голубки». Я попросил Колина помочь донести Дениса до общежития. Он сначала посмотрел на Эмму, а затем кивнул в знак согласия. По дороге Колина тоже стало подташнивать. Он рванул к кустам, громко кашляя и поминая господу всуе. Помогать пришлось Эмме. Она достала из сумки влажную салфетку и протерла Денису лицо.

Охранник, смотревший на айпэде сериал, не обратил на нас никакого внимания. Кое-как мы дотащили Дениса до кровати. Его соседа в комнате не оказалось. Эмма где-то раздобыла бутылку газировки. Колин, как обычно, принялся распрашивать, что произошло.

— Shut up, Colin!¹ — не выдержала Эмма.

Я пошел в курилку. Не помню, сколько времени просидел там, но в какой-то момент пришел охранник и сказал, что студентам запрещено покидать комнаты после одиннадцати вечера. Собрался было уходить, но охранник остановил меня и спросил, не найдется ли сигареты.

— No, — отрезал я и пошел спать.

¹ Заткнись, Колин! (англ.)

Глава 2

I

34

Я сидел за последней партой. Передо мной, положив голову на стол, спал Денис, от которого разило перегаром на всю аудиторию. Когда он только вошел, я первым делом обратил внимание на его покрасневшие глаза.

— Хапнул на похмелье, — объяснил он.

Последние два месяца он тусовался с Маркусом, своим соседом по комнате. Маркус родился на Марбеле. Как и Денис, болел за «Реал Мадрид», был защитником FC White Horse и с утра до ночи играл в «фифу».

— The kids must be crazy. Imagine being a video game character at your twenties¹, — говорил он.

В их комнате рос небольшой кустик конопли. Когда Денис в очередной раз попытался уговорить отца заплатить за академию и вновь получил отказ, Маркус

¹ Эти ребята, должно быть, чокнулись. Представляешь, быть персонажем видеоигры в двадцать лет! (англ.)

поделился с ним косяком. С тех пор они проводили дни за приставкой, прерываясь только на то, чтобы покурить в туалете с включенной вытяжкой.

Денис перестал посещать занятия. Первые недели о нем спрашивал лишь профессор Вудли, да и тот вскоре позабыл. Денис бросил футбол. Тренеру соврал, что усердно готовится к экзаменам. По выходным его можно было встретить в пабе или в единственном на весь Веллингтон ночном клубе. Там он напивался до умопомрачения и влезал в драки с арабами, персами и пакистанцами.

Отец Дениса родился в Сальске, в девяностые переехал в Ростов и женился. Когда Денису исполнилось четырнадцать, семья перебралась в Краснодар строить новый бизнес. Отец открыл сеть автосалонов, и уже в семнадцать Денис разъезжал по городу на «Порше».

— Права выбили у знакомого гаишника, — рассказал он.

Денис плохо учился, родителей часто вызывали в школу из-за бесконечных драк и прогулов. Школе Денис предпочитал видеоигры и езду на высоких скоростях. У отца имелись связи среди местных ментов, и Денису многое сходило с рук. До Англии он никогда не употреблял наркотики, предпочитал вместо этого потеть на футбольном поле.

Как-то ночью Денис, как обычно, жал газ в пол и игнорировал гаишников с их радарам. Редкие фары проезжавших мимо автомобилей еле освещали трассу, вдоль которой росли столбы дорожных знаков и плакатов с социальной рекламой. На один из таких плакатов и засмотрелся Денис, когда протаранил джип местного священника.

— Чудом уцелел!

— Слушай, джип все-таки. И он, наверное, пристегнут был.

— Да я про себя! А поп этот руку сломал и сотрясение мозга получил... Но жить будет. И живет, я слышал, неплохо.

Чтобы как-то замять эту историю, отец отдал сына в первую попавшуюся британскую школу. Веллингтон выбрали случайно, школу посоветовали в агентстве по образованию за рубежом. Отца Дениса привлекли «регулярные занятия спортом, поощрение творчества и самое главное — 90% учеников поступают в престижнейшие вузы Великобритании».

— Без понятия, на что пахан рассчитывал. Что я вдруг академиком стану? У меня даже репетитора никогда не было.

Языка Денис почти не знал, первое время ему приходилось посещать дополнительные занятия. Поначалу он разговаривал только со мной, но из-за врожденной общительности быстро завел кучу новых

приятелей и был знаком со всеми учениками Wellington School.

Колин зажал нос и чихнул, его губы издали тарахтящий звук. Мы хором засмеялись. Хихиканья и улюлюканья не прекращались минут десять. Но в смехе этом ощущалась нервозность: все переживали по поводу экзамена.

Все, кроме Дениса. Когда смех затих, он демонстративно встал со своего места, положил пустые листы на стол экзаменаторше и пообещал, что попробует передать в следующем году. Экзаменаторша вежливо намекнула, что ей в общем-то плевать, сдаст Денис или нет, и попросила его бесшумно покинуть аудиторию. Следом выбежал Маркус. Вечером я застал их за приставкой. О том, как прошел экзамен, они даже не поинтересовались.

II

— Ты день рождения праздновать собираешься? — спросил Денис.

— Экзамены же.

— Ой, да ладно! Посидим где-нибудь, выпьем.

— Денис, ты же вчера тусил!

— Да, но вчера я тусил без повода. А сейчас повод есть! — посмеялся он. — Зови гостей, устроим пати. Тебе уже восемнадцать, черт бы тебя побрал!

Денис забронировал стол в White Horse, куда входил уже как ковбой в салун на Диком Западе. Он пригласил на мой день рождения себя, Маркуса, Колина с Эммой и еще двух ребят из футбольной команды, Тома и Тайлера. Эмма привела Джинни. У Джинни были сиреневые волосы, и она постоянно одевалась в мерч любимых рок-групп: AC/DC, Led Zeppelin, Scorpions – то, что Денис называл «батькиным говнороком».

– Hip-hop is about today. Any new Kendrick album is much more topical than the grandads you listen to, Jeenny, – сказал Маркус. – Tell'em, Tom!

– Don't be rude, Marcus¹, – хором сказали Колин, Эмма и Джинни.

Пока ребята спорили, я засмотрелся на пару старичков, танцевавших медляк в центре зала. Дедуля оделся в потрепанный твидовый пиджак, женщина привязала к руке воздушный шарик в форме числа 35. Вокруг бесновались дети, их внуки.

– They're cute, aren't they?² – Эмма тоже разглядывала танцующих старичков.

– Сейчас будет бомба! – сказал Денис, простоявший десять минут в очереди за

¹ – Хип-хоп – это музыка про сегодня. Любой новый альбом Кендрика актуальнее дедов, которых слушаешь ты, Джинни. Скажи им, Том!

– Маркус, не будь таким грубым! (англ.)

² Они милашки, скажи? (англ.)

барной стойкой. Он расположил на столе шесть стаканов с зеленоватой жидкостью. Затем достал из-за пазухи две чайные ложки и отсыпал в них сахарный песок.

— Что это?

— Абсент. Повторяй за мной.

Денис зачерпнул содержимое ложкой и поджег. Напиток тлел около секунды, после чего Денис потушил ложку, слизал с нее сахар и залпом опрокинул оставшийся в стакане абсент. Потом Денис поджег и сам стакан, потушил, приложил ко рту и вдохнул образовавшийся пар. Он уронил стакан на стол и прокашлялся.

— Ух! Три таких — и ты готов!

Я повторил за Денисом.

Тем временем за столом разразился спор о правах женщин. Джинни и Эмма ругали консерваторов. Колин, отец которого служил приходским священником в местечке Салфорд к западу от Манчестера, защищал любимую партию своей семьи.

— What have Tories done to women in this country? They keep making them prime ministers!¹ — говорил он.

Маркус нашел фразу остроумной. Он предложил тост. Гости нехотя чокнулись. Джинни вновь принялась проповедовать феминизм. Она загуглила статистику, согласно которой при тори женщины стали

¹ Что тори сделали женщинам? Только при них и становились премьер-министрами (англ.).

занимать меньше государственных постов и управленческих должностей в крупных компаниях. Джинни связала это с распространением правого популизма и принялась ругать Трампа и Брексит. В те дни в Англии все что угодно могли связать с Брекситом.

— How did you vote? — спросил Маркус.

— I didn't, — ответила Джинни.

— Neither did I, — сказала Эмма.

— You can't judge people's choice if you didn't vote, — сказал Маркус. Колин поддакивал.

40

— We were seventeen, you stupid morons!¹ — ответили девушки.

Мы с Денисом прикончили второй стакан. Стены паба, обвешанные фотографиями лошадей и жокеев, поскакали из стороны в сторону. Пол затрясся, какое-то время я простоял на одной ноге, тяжело дыша и растопырив руки.

— Look at Steadfast! — заржал Колин.

— You right, lad?² — спросил дедушка в твидовом пиджаке.

Денис и Маркус схватили меня за локти и повели в уборную.

¹ — А ты сама как проголосовала?

— Я не голосовала.

— Я тоже нет.

— Ну, значит, вы не можете судить выбор большинства, если не голосовали.

— Нам было семнадцать, дураки тупые! (англ.)

² — Гляньте на стэдфаста!

— Ты в порядке, парень? (англ.)

— Ты, главное, не паникуй, — сказал Денис.

Я разглядывал возникавшие передо мной лица и испытывал какое-то необыкновенное безразличие, какое, наверно, бывает у игроков в русскую рулетку. Денис промыл мне лицо. Маркус посоветовал проблеваться. Забежавший в тесную уборную Колин стал спрашивать, чем он может помочь. Бугай в футболке английской сборной занял второй из трех писсуаров. Он воодушевленно мочился, должно быть, терпел с самого утра. Бугай ушел только после того, как услышал пороссячий визг и кашель из моей кабинки.

— Братишка, сколько начосов ты сегодня сожрал? — Денис держал меня за волосы.

Придя в себя, я вернулся за стол. Эмма и Джинни уговаривали меня пойти на собрание анонимных алкоголиков. Джинни рассказала о дальнем родственнике, который нажрался, поджег соседский сарай и до сих пор мотает срок. Я обещал Джинни никогда не подходить к сараям ближе, чем на сто шагов. Когда я бываю пьян, мне двигаться неохота, не то чтобы что-то поджигать.

— Извини... Больше не пей, — Денис обладал поразительной способностью всегда делать вид, что всё под контролем. Закручивая косяк под столом, он выглядел на-

столько беззаботно, насколько позволяли следы блевотины на его кедах.

— Слушай, я там это...

— Да забей. На крайняк отдам в химчистку.

Маркус в подробностях рассказал о случившемся в туалете Тому и Тайлеру, которые в ответ захохотали, поглядывая в мою сторону. Но вскоре все об этом забыли, потому что в пабе разгорелась драка.

Денис и Маркус вышли во двор раскурить косяк. К ним пристала компашка рэднеков. Одетые в умбро и адики, они напоминали гопников из сериалов про английскую глубинку. Самый лысый и самый синий упрашивал Маркуса угостить их травкой. Маркус протянул было им джойнт, но Денис его остановил.

— What the fuck, mate? — спросил лысый.

Рэднеки окружили ребят и принялись вразной выкрикивать оскорбления. Один из гопников выбил косяк из рук Маркуса. Другой, опередив Дениса, схватил джойнт и отбежал в сторону. Маркус хотел за ним помчаться, но лысый его остановил. Тогда Денис дал лысому по роже.

Со стороны драка напоминала сцену из мультиков про Багза Банни: из столпа пыли время от времени показывалась чья-то рука или нога. Я наблюдал потасовку из окна, всеми силами стараясь иг-

норировать комментарии Колина. Том и Тайлер выбежали помогать. Я тоже решил вмешаться, несмотря на два стакана абсента и патологическую неспособность сжимать руки в кулак.

Улица окрасилась в красно-синие цвета, завыли сирены, заорала рация — приехала полиция. Из белого хэтчбека выбрались мускулистые офицеры Скотленд-Ярда. Одна из полицейских — темнокожая женщина — быстро и уверенно зашагала в нашу сторону. Что-то в ней заставляло повиноваться, и когда она приказала «не двигаться», мы тут же отпрыгнули от рэднеков.

Гопники разбежались. Копы потребовали встать лицом к стене и не делать резких движений. Они принялись нас обыскивать. Внимательно осмотрели пачку сигарет, которую нашли в моем заднем кармане. У Маркуса обнаружили табак, бумагу и фильтры — ничего запрещенного. У Тома и Тайлера в карманах нашлись билеты на поезд до Лондона. Когда копы принялись обыскивать Дениса, он стал качать права. Он говорил, что ловить в первую очередь надо рэднеков, а не «иностранных студентов», и что «не вывернет карманы, пока ему не предоставят адвоката». Тогда копы повалили его на асфальт, сложили руки за спину и нацепили на Дениса наруч-